

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ и М. Г. ЛЕВИН

ТИПЫ ОЛЕНЕВОДСТВА И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

I

Вопросы о древности оленеводства, его происхождении и путях распространения принадлежат к числу наиболее трудных и вместе с тем наименее освещенных в сложной проблеме истории материальной культуры народов Севера. В обширной литературе по оленеводству нет недостатка в различных гипотезах, теоретических построениях по указанным вопросам, немало и работ по оленеводству отдельных народов, но, к сожалению, почти отсутствуют исследования, посвященные характеристике и сравнительному анализу элементов оленеводства, их классификации, истории отдельных типов оленеводства. Настоящая работа имеет целью хотя бы частично восполнить указанный пробел¹.

Оленеводство может быть характеризовано с разных точек зрения: по общему направлению хозяйства и роли в нем оленя, по характеру использования оленя для транспорта, по способам пастьбы, по породам оленя и т. д. В основу классификации типов оленеводства могут быть положены различные признаки в соответствии с теми задачами, которые ставит себе предлагаемая классификация. В этнографической классификации, которая должна отразить историю сложения отдельных типов и исторические традиции того или другого оленеводческого народа, следует исходить из признаков, в наибольшей степени сохраняющих эти традиции и, следовательно, менее подверженных изменениям в связи с географическими условиями, экономикой хозяйства. Этнографическая классификация должна служить не только рабочим приемом при сравнении различных форм, но и отражать реальные исторические взаимоотношения тех этнических групп, которые явились создателями или распространителями тех или иных культурных элементов.

Наиболее известна классификация типов оленеводства, принадлежащая В. Г. Богоразу². Богораз выделял следующие типы: северное тундрное оленеводство с санной ездой и более южное — с верховой ездой. В пределах первого он выделял западное оленеводство с применением пастушеской собаки и восточное — с пастьбой оленей без пастушеской собаки. По способу пастьбы верховое оленеводство относится к восточному типу. Классификация Богораз, правильно отмечая главнейшие отличительные черты оленеводства крупных географических областей, слишком обща и не отражает характерных черт оленеводства разных

¹ Для настоящей статьи нами проработаны, помимо литературных источников, коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, а также использованы устные сообщения наших товарищей по работе: Б. О. Долгих, А. А. Попова, Е. Д. Прокофьевой, Н. Ф. Притковой. Только благодаря этому удалось составить себе представление о различных деталях, которые в литературе отражены крайне скудно.

² В. Г. Богораз, Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке, Сборник Музея антропологии и этнографии, VI, 1927, стр. 37—62; его же, Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы, сб. «Проблемы происхождения домашних животных», вып. 1, Труды лаборатории генетики, Л., 1933, стр. 219—251.

этнических групп. Она учитывает только два признака: способы пастьбы и вид транспорта (упряжной и верховой).

Необходима более детальная классификация, основанная на ряде признаков, которая позволила бы дать развернутую характеристику типов и выделить внутри них подтипы и варианты.

Помимо предложенных Богоразом признаков (виды транспорта и пастьба), важное значение в классификации имеют и такие признаки, как наличие или отсутствие доения важенок, способы кастрации и др.

В характеристике транспортного использования оленя недостаточно выделять только верховой и упряжной транспорт; следует учитывать в пределах этих видов различные особенности в упряжке, конструкции нарт, седел и упряжи, в способах посадки и управления оленем.

II

Начнем рассмотрение с отдельных элементов транспортного использования оленя, вначале упряжного, затем верхового.

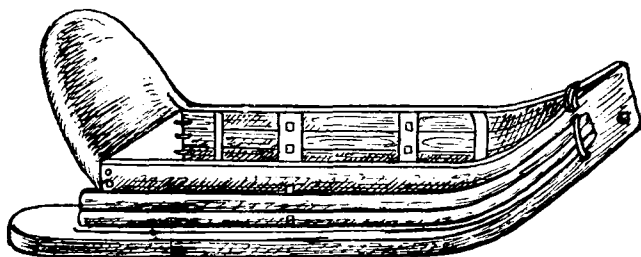

Рис. 1. Кережка (колл. МАЭ, 343—16)

Исключительно упряжный способ езды был распространен на западе Сибири у ненцев, энцев, хантов, мансов, кетов, а также у коми, заимствовавших оленеводство у ненцев в совсем недавнее время, на востоке — у чукчей и коряков.

Исключительно выючный и верховой транспорт был распространен среди тувинцев восточного горного района (тоджинцев) и тофаларов (карагасов), а также среди некоторых групп эвенков и эвенов.

Оба вида транспорта имелись у саамов (люпарей), отдельных групп звенков, эвенов, юкагиров, у якутов, долганов, негидальцев и ороков. При преобладании нартового транспорта иногда встречался верховой и выючный у лесных ненцев, селькупов и нганасанов.

Сани

Весьма существенным элементом в классификации упряжного оленеводства является типология саней. Здесь в первую очередь различаются: бескопыльная кережка и копыльная нарта. Кережка имеет весьма ограниченное распространение и характерна для саамов.

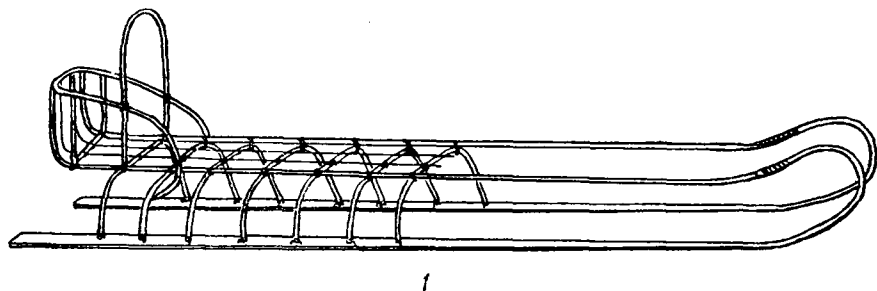
Кережка, в отличие от нарты — двухполозных саней на копылях, — является однополозной, бескопыльной короткой повозкой в виде лодки с тупой кормой. Полоз, подобно килю в лодке, проходит посередине.

Все остальные формы оленных саней по конструкции объединяются в одну большую группу двухполозных нарт. Нарты бывают ездовые и грузовые.

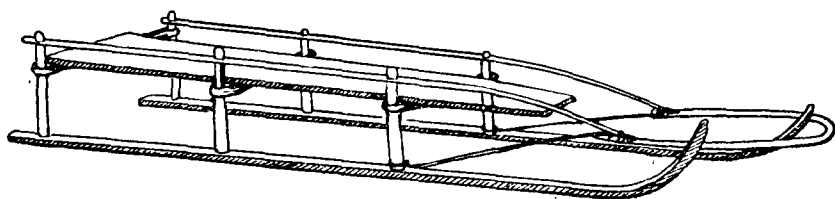
Необходимо отметить, что у одной и той же этнической группы ездовые и грузовые нарты иногда существенно различаются. Поэтому мы рассмотрим вначале ездовую нарту.

Детали устройства ездовых нарт (копылья, передок нарты, полозья и способы крепления) позволяют выделить несколько типов.

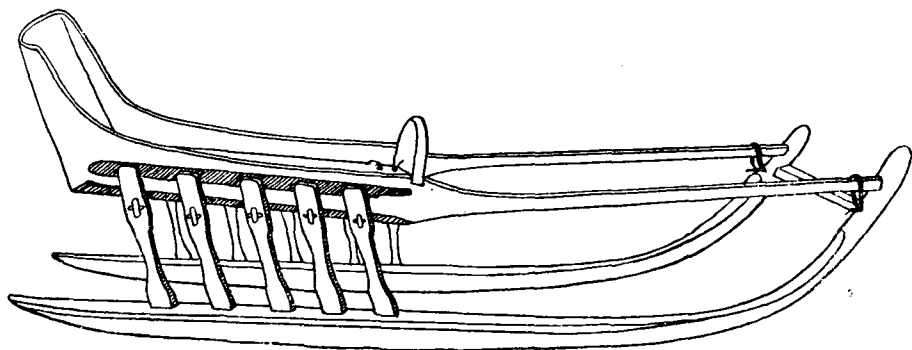
1. Нарта узкая, низкая, длинная с копыльями (обычно шесть-семь) в виде цельных дуг, концами упирающихся в полозья; с полозьями, загнутыми спереди в виде вытянутой дуги и соединенными с нащепами. На дугах копыльев между нащепами привязаны жердочки, образующие решетку — настил. Все части нарты связаны между собой ремешками.

1

2

3

Рис. 2. Типы ездовых нарт: 1 — дугокопыльная; 2 — прямокопыльная; 3 — косокопыльная

В мужской нарте сидение сзади переходит в решетку, в женской эта решетка окаймляет весь настил нарты, оставляя справа отверстие для сиденья. Этот тип нарты, которую мы будем называть дугокопыльной, характерен для чукчей и коряков, встречается среди эвенов и юкагиров, заимствовавших его от соседей — чукчей и коряков.

2. Нарта широкая, низкая, с прямыми невысокими, вертикально поставленными копыльями (обычно три пары). Копылья примерно на середине своей высоты соединены попарно между собой вязками или поперечинами, на которые укладывается досчатый настил. Верхние концы копыльев соединены между собой ободком, образующим барьер. Спереди нарты — горизонтальная дуга «баран», привязанная к передней паре копыльев. Крепление нарты пазовое и ременное. Этот тип нарты, которую мы будем называть прямокопыльной, характерен для

северных эвенов и оленных якутов Северной Якутии; встречается среди долганов и нганасанов, а также у олекминских якутов и эвенков, к которым он проник с развитием грузоперевозок.

Своеобразную конструкцию имеют оленные нарты алдано-зейско-амгунских эвенков, с одной стороны, и ороков, — с другой. У указанной группы эвенков ездовая нарта — низкая, узкая, короткая; она имеет две-три пары изогнутых копыльев. Нижние концы их вставлены в пазы полозьев, верхние сближаются и соединены вязком или поперечиной. На поперечинах укреплены доски — настил. Передок имеет баран, концы которого связаны с нижней частью передних копыльев. В отдельных случаях дугообразна только средняя пара копыльев; крайние копылья — прямые. В такой нарте настил посередине имеет выемки для удобства при сидении верхом. Эта нарта встречается также среди якутов и негидальцев. Описанная нарта как бы соединяет черты дугокопыльной и прямокопыльной.

Нарта ороков — широкая, низкая (три пары копыльев); она отличается наклонной постановкой полозьев, при которой вертикально поставленные в полозья копылья одной стороны обращены к копыльям другой стороны под острым углом. Барана нет.

3. Нарта широкая, высокая и длинная, с копыльями (обычно три-четыре пары, а иногда и больше), поставленными в полозья наклонно внутрь и назад. Копылья располагаются в задней половине полоза. Верхние концы копыльев вставлены в нащеп, а ниже нащепа соединены поперечинами, на которые положены доски настила. Передние концы полозьев соединены поперечиной. Крепление исключительно пазовое. Этот тип нарты, которую мы будем называть *косокопыльной*, характерен для ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, кетов, долганов и оленных хантов и мансов. Встречается среди западных (сымских) и северных (илимпийских и ербогоченских) эвенков и северных оленных якутов.

В районах лесо-тундры к передку этой нарты привязывается иногда баран для подгибания кустарников во время езды.

Грузовые нарты чукчей и коряков также дугокопыльные с ремennым креплением, но отличаются от ездовых деталями конструкции, которая зависит от назначения нарты. Наряду с нартами, у которых полозья загнуты дугообразно, как в ездовой, имеются нарты, у которых передок полоза соединен с нащепом под углом.

Грузовая нарта эвенов и северных якутов не отличается по конструкции от их прямокопыльной ездовой нарты, но только она массивнее и грубее сделана. У алдано-зейско-амгунских эвенков, негидальцев и якутов грузовая нарта по своему устройству не отличается от северной прямокопыльной нарты.

Грузовые нарты самоедских народностей обычно того же типа, что и ездовые — *косокопыльные*; они различаются по количеству копыльев и устройству поперечин. Но, наряду с *косокопыльными* грузовыми нартами, встречаются и *прямокопыльные*. Они ниже *косокопыльных*, но приближаются к ним по расположению копыльев в задней половине полозьев.

Упряжка

Число оленей, запрягаемых в кережку, ездовую и грузовую нарты колеблется от одного до семи.

Однооленная упряжка характерна для лопарской кережки и орокской нарты. Встречается часто в дугокопыльной нарте чукчей, коряков и живущих среди них эвенов.

Двухоленная упряжка распространена наиболее широко. Она характерна для эвенков, эвенов, якутов, негидальцев как в грузовой нарте, так и в ездовой. Она сосуществует с упряжкой из одного оленя среди чукчей

и коряков. У ненцев, энцев, нганасанов, долганов, селькупов, кетов, хантов и мансов парная упряжка применяется обычно в грузовой нарте и в женской ездовой.

Упряжка в три и более оленей, «веером» (косяком) характерна для ездовой нарты самоедских народностей и их соседей, заимствовавших от них этот тип упряжки (ханты, мансы, селькупы, кеты, долганы).

Упряжь

В оленней упряжи следует различать следующие части: недоуздок и поводок; ляжку, потяг и пояс, а также способы соединения ляжки с потягом и потяга с нартой.

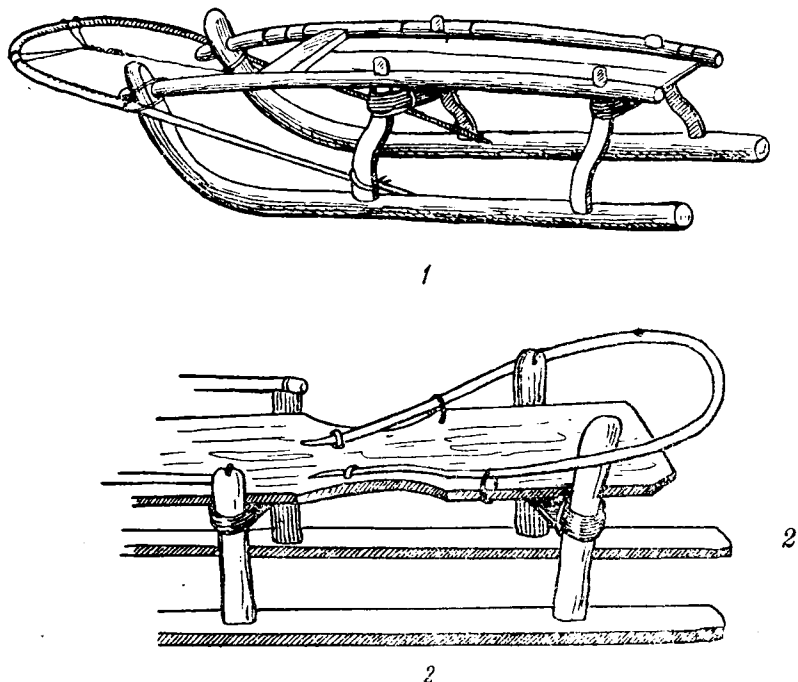

Рис. 3. Нарты алдано-зейско-амгунских эвенков

Недоуздок и поводок. В оленней упряжи выделяется два типа недоуздков: простой и сложный. Простой состоит из ременной оброти с вязками и поводка; в сложном недоуздке обротъ состоит из системы ремешков и костяных пластинок. Простой недоуздок распространен у всех оленеводов, но у самоедских народностей, обских угров, кетов и долганов он применяется только в грузовой упряжке. В ездовой же упряжке у этих народов — сложный недоуздок. Он различается по числу костяных пластин: у передового оленя преимущественно бывает две наlobные пластины, у боковых оленей — две наlobные и две нащечные.

Лямки также бывают двух типов: простая — из одного ремня и сложная — с подгрудным ремешком. Как и недоуздки, сложный тип лямок характерен для ездовой упряжки самоедского типа.

Потяг — длинный ремень, соединяющий ляжку с нартой. В чукотско-корякской упряжке потяг проходит справа от каждого оленя; в тунгусо-якутской упряжке — обычно между оленями (т. е. у правого оленя слева, а у левого справа); в самоедской, лопарской и орокской — между задними ногами оленя.

Пояс — широкая кожаная полоса, перекинута через спину оленя, прикрепленная к ляжке и служащая для поддержания поводка, а в

верной упряжке, кроме того, для прикрепления цепочки, соединяющей рядом стоящих оленей. Пояс характерен только для ездовой упряжки самоедских народов и их соседей, заимствовавших от них вместе с упряжью и эту ее часть. Пояс встречается и в упряжи передового оленя ездовой нарты якутов и эвенков, к которым он, повидимому, проник с запада от самоедских народов.

Соединение лямки с потягом; потяга с нартой. Типы соединения лямки с потягом совпадают с типами недоузdkов. В упряжи с простым недоузdkом бывает и простое соединение — присте-

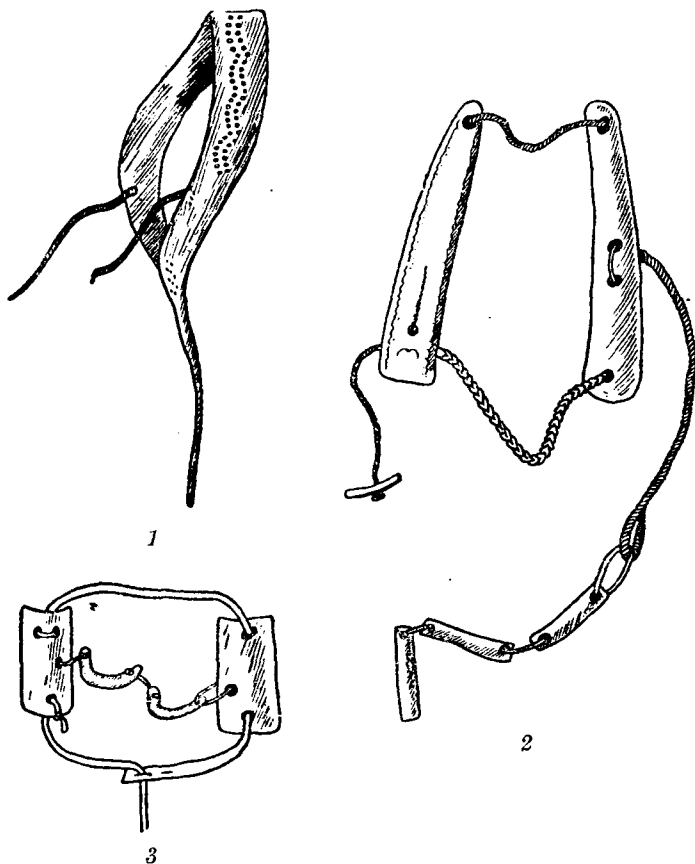

Рис. 4. Типы недоузdkов: 1 — простой; 2 и 3 — сложные

гивание на кляп (пуговицу) или связывание узлом; а упряжи со сложным недоузdkом соединение лямки с потягом и поясом представляет собой систему ремешков и колец.

Соединение потяга с нартой различно. Здесь можно выделить три типа:

Неподвижное соединение путем привязывания отдельно потяга к переднему оленю к нарте; характерно для чукчей и коряков, а также для лапарской и орокской однооленной упряжки.

Перекидное соединение, когда один потяг для двух оленей свободно перекинут через «баран» нарты, распространено у эвенков, эвенов, якутов, долганов в прямокопильной нарте.

Блоковое соединение, при котором потяги протянуты через блоки, образующие более или менее сложную систему; характерно для всех самоедских народностей и заимствовавших от них упряжку хантов, манси, долганов и отдельных групп эвенков и якутов.

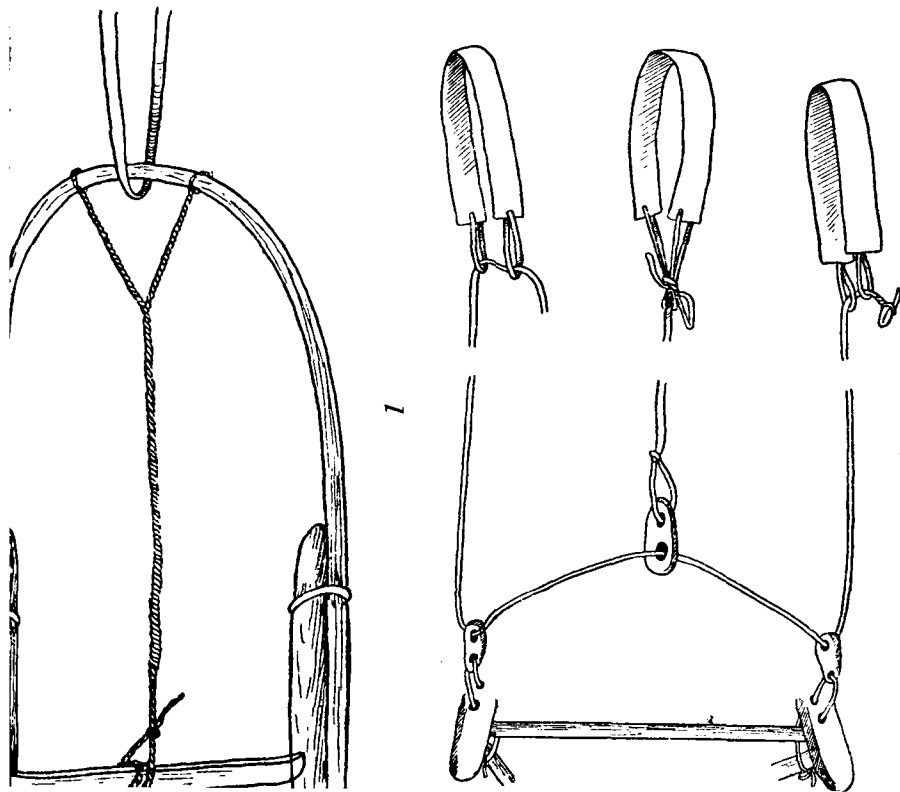
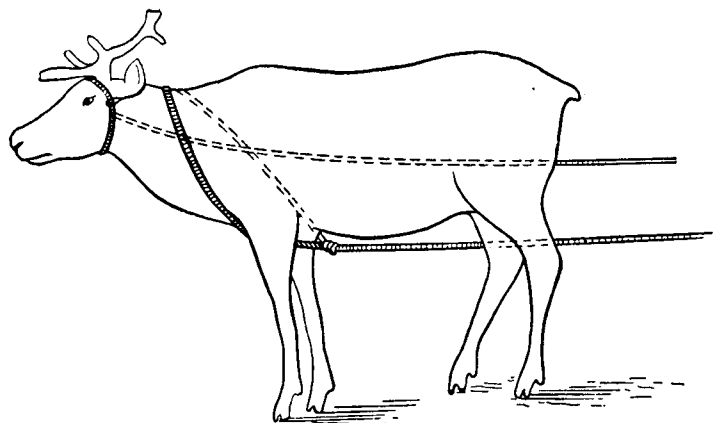
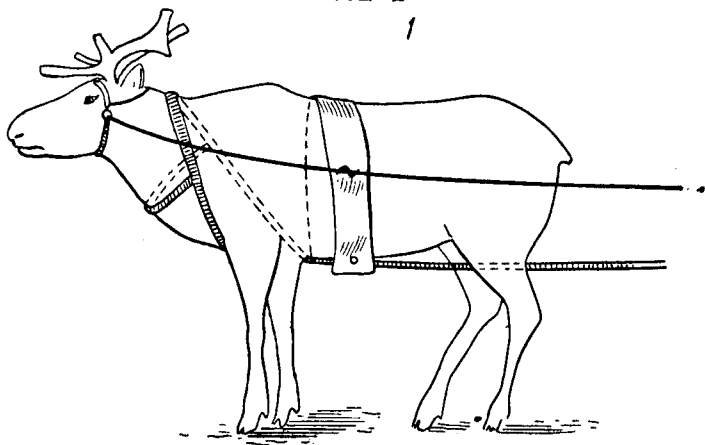

Рис. 6. Соединение потяга с лямкой: 1 — тип перекидного соединения; 2 — тип блокового соединения

1

2

Рис. 5. Оленья упряжь: 1 — чукотский тип; 2 — самоедский тип

Посадка и способ управления

Посадка на нарте также бывает трех типов: верхом, с вытянутыми ногами, и боком справа или слева.

Посадка верхом характерна для чукчей, коряков и их соседей — эвенов, для алдано-зейско-амгунских эвенков, негидальцев и ороков.

Посадка с вытянутыми ногами характерна для оленных якутов, эвенов Якутии, олекминских эвенков и саамов. Интересно, что этот тип посадки встречается и у нганасанов.

Посадка боком справа характерна для эвенков (сымских и илимпийских), долганов и западных якутов. Справа сидят также женщины чукчей и коряков.

Посадка боком слева характерна для всех самоедских народностей, хантов, мансов, кетов и селькупов.

Поводок-вожжа может проходить справа и слева от оленя. Справа она проходит в упряжке чукчей, коряков, эвенов, эвенков, долганов и якутов. Слева она проходит в упряжке всех самоедских народов, хантов, мансов и кетов. Для управления оленями самоедские народы, ханты, мансы, кеты, долганы, северные эвенки и якуты применяют хорей — длинный шест (до 4 м); чукчи, коряки, эвены, некоторые группы эвенков и якутов, саамы применяют для управления хлыст или кну на длинной палке.

Мы рассмотрели отдельные элементы упряжного оленного транспорта. Приведенные материалы позволяют выделить следующие основные типы, характерные для определенных групп народностей.

I. Чукотско-корякский тип. Для него характерны:

Нарта: дугокопыльная; крепление ременное.

Упряжка: один-два оленя.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая.

Соединение потяга с нартой: неподвижное; потяг проходит справа от каждого оленя.

Посадка и управление: верхом на нарте; поводок-вожжа проходит справа, управление кнутом.

Распространение: чукчи, коряки и живущие среди них эвены, у которых езда на нарте заимствована от первых.

II. Тунгусо-якутский тип. Для него характерны:

Нарта: прямокопыльная, с «бараном» на передке; крепление ременное.

Упряжка: парная.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая (на олене-передовике может быть пояс).

Соединение потяга с нартой: перекидной потяг один для двух оленей; потяг проходит между оленями.

Посадка и управление: сидят с вытянутыми ногами; поводок вожжа проходит справа; управление кнутом.

Распространение: северные якуты, эвены Якутии, олекминские якуты и эвенки; встречается также у долганов и нганасанов.

По некоторым признакам в этом типе выделяется алдано-зейско-амгунский вариант. Его отличия относятся к нарте (форма копыльцев и посадке (верхом) — признаки, сближающие его с чукотско-корякским типом. По всем остальным признакам он повторяет тунгусо-якутский тип.

III. Самоедский тип. Для него характерны:

Нарта: косокопыльная, с поперечиной на передке; крепление пазовое.

Упряжка: веерная (косяком) в три-семь оленей.

Упряжь: недоуздок сложный; лямка с подгрудными ремешками.

Соединение потяга с нартой: система блоков и ремешков; потяг проходит между задними ногами оленя.

Посадка и управление: сидят боком слева; поводок-вожжа проходит слева, управление хореум.

Распространение: ненцы, энцы, нганасаны, ханты, мансы, селькупы, кеты, долганы, эвенки (сымские и илимпийские) и большинство северных якутов. Однако у последних трех народностей сидят на нарте справа и поводок проходит справа.

Наряду с этими широко распространенными типами на крайних полюсах распространения оленеводства встречаются еще два типа упряжного оленного транспорта с узким ареалом распространения: на западе среди лопарей, на востоке среди ороков.

IV. Лопарский тип. Для него характерна вместо нарты кережка, запряженная одним оленем; простые недоуздки и лямка (у западных — норвежских — групп отмечена лямка в виде хомута с постромками, что является, повидимому, подражанием конской упряжи недавнего происхождения); потяг проходит между задними ногами оленя; посадка с вытянутыми ногами.

V. Орокский тип. К сожалению, материалы по орокскому оленеводству крайне фрагментарны и не дают возможности характеризовать его подробно. Орокская нарта отличается косой постановкой полозьев, благодаря чему копылы каждой пары, поставленные в полоз вертикально, наклонены друг к другу под углом. Упряжка однооленная. Потяг проходит между задними ногами оленя и, раздвигаясь, привязывается к передним концам полозьев нарт. Посадка в нарте верхом.

Приведенные характеристики выделенных типов упряжного оленного транспорта относятся к ездовой упряжке. Мы указывали уже, что у некоторых народов ездовые и грузовые нарты отличаются не только по своей конструкции, но и по упряжке и устройству упряжи.

В чукотско-корякском типе эти отличия незначительны и относятся в основном к устройству передка нарты.

В тунгусо-якутском типе различия опять-таки относятся только к тщательности отделки нарты, но в алдано-зейско-амгунском варианте грузовая нарта всегда прямокопыльная, тогда как ездовая, как указывалось, имеет изогнутые копылья.

В самоедском типе различия между ездовой и грузовой упряжкой очень существенны. Нарта грузовая бывает не только косо-, но и прямокопыльной, последняя всегда значительно ниже. Упряжка всегда парная. Недоуздок простой. Пояс в упряжи отсутствует. По всем этим причинам самоедская грузовая упряжка более сходна с тунгусо-якутской, чем самоедская ездовая.

III

Прежде чем перейти к рассмотрению выючно-верхового оленного транспорта, необходимо отметить, что не все народы, применявшие оленя под выюк, знали верховую езду. Ее не знали саамы и некоторые группы эвенков (сымские и на верховьях Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также на верховьях Лены).

Основными элементами, которые могут быть положены в основу классификации типов выючно-верхового транспорта, являются: недоуздок, устройство верхового и выючного седла, способ седлания и посадка. Недоуздок обычно простой, состоящий из обороти и поводка. Но прохождение поводка бывает различно: с правой или левой стороны. Прохождение поводка справа характерно для всех эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, негидальцев и ороков; прохождение слева — для тофаларов и тувинцев.

Седла выючные и верховые различаются по своей конструкции.

Рассмотрим вначале верховое седло. Здесь можно различить два основных типа: саянский и сибирский.

Седло саянского типа по своему устройству сходно с конским

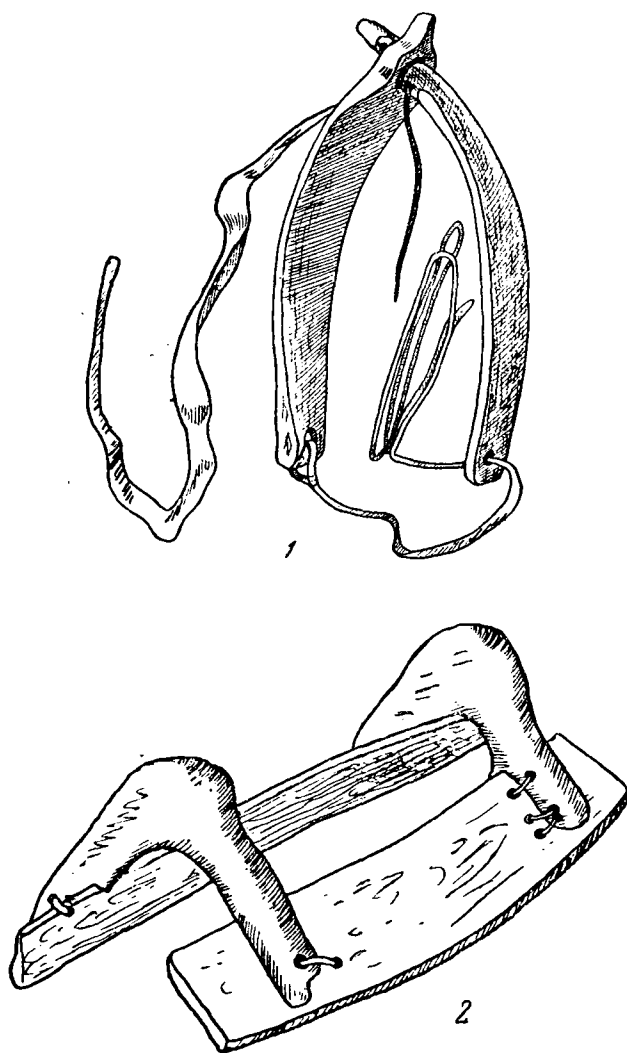

Рис. 7. Вьючные седла: 1 — лопарский тип; 2 — саянский тип

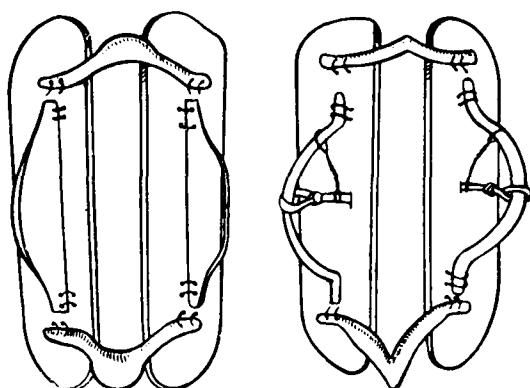

Рис. 8. Остов седла сибирского типа с «крылышками»

седлом. Оно имеет высокие массивные луки, укрепленные на досках, несколько отступя от концов к середине. Это седло имеет стремяна и, кроме подпруги, также подгрудный и подхвостный ремни. Доски его не обшиты, а под седло укладывают сложенный войлок и кусок ровдуги. Такие седла распространены у тувинцев и тофаларов, которые иногда покупали их у своих соседей — коневодов.

Седло сибирского типа имеет отличную от конского конструкцию. Луки в виде маленьких роговых дужек (передняя выше задней) соединяют концы досок. Наклон досок верхового седла меньше, чем выючного. Посередине досок снаружи перпендикулярно к ним укреплены «крылышки» в виде планок или дужек различной высоты. Доски вместе с крылышками обшиты шкурой мехом внутрь, а пустоты, кроме того, заполнены шерстью. Сверху к седлу обычно пришта шкура с головы оленя или лося, покрывающая обе или только заднюю дужку. Седло не имеет ни стремян, ни подгрудного и подхвостного ремня. Этот тип характерен для эвенков (алдано-зейско-амгунская, сахалинская, илимпийская группы), эвенов, юкагиров, якутов, долганов, негидальцев и ороков. Необходимо отметить, что у подкаменнотунгусских, олекминских и витимских эвенков верховое седло по своей конструкции не отличается от выючного.

Выючные седла также различаются по своей конструкции.

Особо выделяется лопарское седло, резко отличающееся от всех других седел. Оно представляет собой две узкие дугообразные доски, вставленные верхними концами одна в другую в виде рогульки. Они охватывают спину оленя и связываются внизу ремнем. Выюк перекидывается через рогульку.

Остальные седла объединяются в два типа: саянский и сибирский. Седло саянского типа имеет узкие доски, отстоящие на большом расстоянии друг от друга и скрепленные массивными дужками-луками. Доски без обшивки. Этот тип распространен среди тофаларов и тувинцев.

Седло сибирского типа имеет широкие доски, поставленные близко друг к другу и скрепленные высокими луками. Доски обязательно обшиты или вставлены в мешки с шерстью, простеганные ниже досок. Этот тип характерен для эвенков, долганов, якутов. У эвенов и юкагиров седло этого типа имеет конструктивную особенность: верхние концы луков соединены между собой продольной палкой или ремешком.

Способы седлания. В литературе давно уже указывалось на различие в способах седлания на Саянах и в Сибири. Тофалары и тувинцы кладут седло почти на середину спины, все остальные — на лопатки.

Посадка на оленя различается. Тофалары и тувинцы садятся на оленя, как и на коня, слева (с возвышения, без помощи посоха); все остальные народы садятся справа (прыжком, опираясь на посох). Первые ездят без посоха, вторые — с посохом.

Приведенные материалы ясно указывают на существование трех различных по технике типов выючно-верхового оленного транспорта: саянского, сибирского и лопарского.

Саянский тип характеризуется чертами, сближающими его с типом выючно-верхового конного транспорта: все устройство седла со стремянами и двумя ремнями, способ седлания и посадка. В отличие от сибирского типа поводок проходит слева. Распространен только у тувинцев и тофаларов.

Сибирский тип отличается от саянского устройством как верхового, так и выючного седел, способом седлания, посадкой, употреблением посоха при посадке и езде, а также прохождением поводка с правой стороны. Распространен среди эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов, негидальцев и ороков.

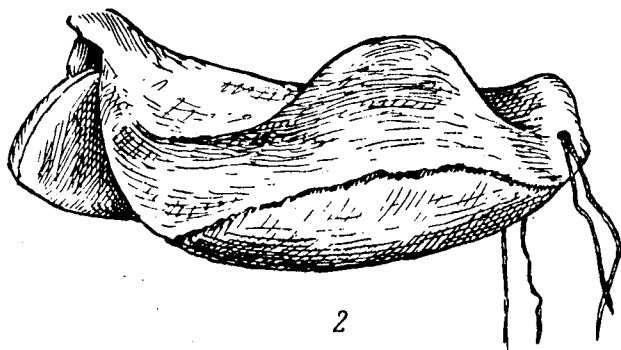
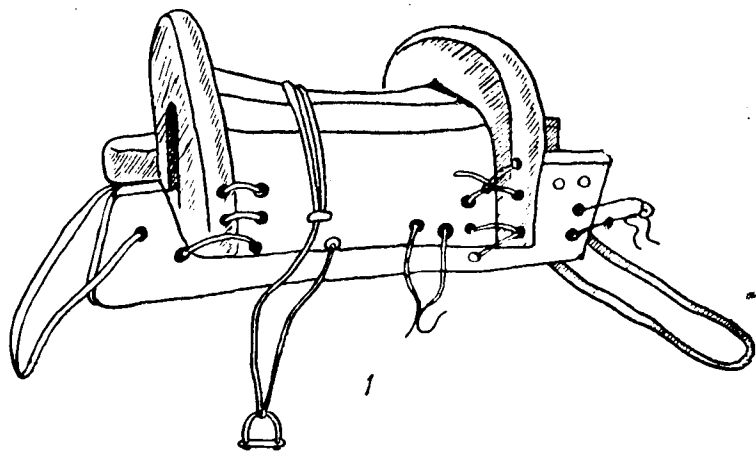
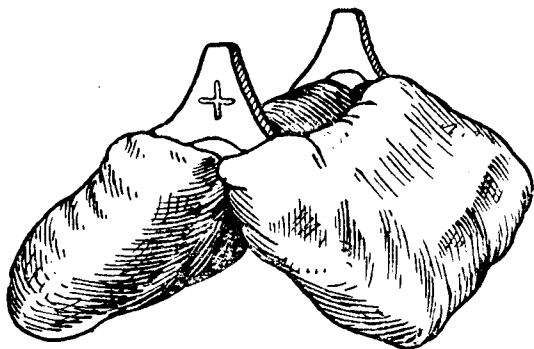
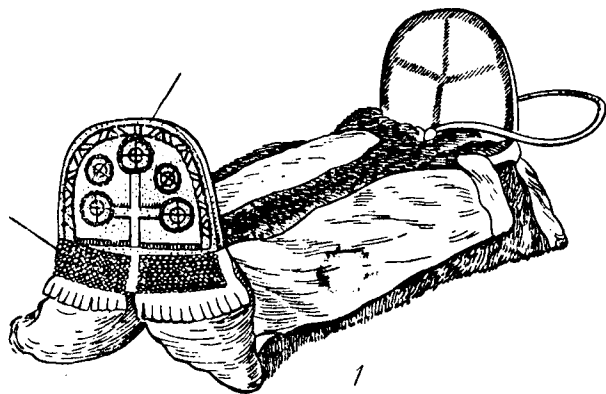

Рис. 9. Верховые седла: 1 — саянский тип; 2 — сибирский тип (с «крылышками»)

2

Рис. 10. 1 — вьючное седло долганов, приспособ-
 ленное под женское верховое; 2 — вьючное,
 оно же верховое седло витимо-олекминских эвенков

Лопарский тип характеризуется отсутствием верховой езды и своеобразным устройством вьючного седла. Распространен только у лопарей.

IV

Использование оленя не ограничивается только транспортом. Для классификации оленеводства важное значение имеет и такой признак использования оленя, как наличие или отсутствие доения важенок.

Отсутствие доения было характерно для ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, хантов, мансов и жетов — на западе; для чукчей, коряков, якугиров и эвенов — на востоке.

Доение важенок было известно эвенкам, охотским эвенам, негидальцам, орокам, долганам, северным якутам, а также тувинцам, тофаларам и саамам.

Классификация оленеводства по способам пастьбы, как говорилось выше, берет за основу наличие или отсутствие пастушеской собаки. Пастьба с пастушеской собакой характерна для лопарей, ненцев, энцев, нганасанов и заимствовавших от ненцев оленеводство хантов и мансов. Долганы также заимствовали способы выпаса с собакой у самоедских народов. Для всех остальных характерно отсутствие собаки при пастьбе оленей.

Различаются и способы кастрации. Среди оленеводов применялись два способа кастрации: кровавая операция надрезанием или проколом мошонки и бескровная — путем раздавливания (обычно зубами). Первый способ, сходный с операцией кастрации у коневодов, был характерен для тофаларов, тувинцев и известен самоедским народностям (нганасаны практиковали оба способа; второй был распространен у всех остальных оленеводов: саамов, эвенков, эвенов, чукчей, коряков и др. (среди якутов встречались оба способа).

V

Рассмотрим основные черты оленеводства разных народов.

Оленеводство с а м о в характеризуется настолько своеобразными чертами, что его следует выделить в целом в особый тип. От оленеводства их ближайших соседей — ненцев — оно отличается наличием вьючного транспорта, техникой упряжки с кережкой и своеобразным устройством вьючного седла, наличием молочного хозяйства. Сближает оленеводство лопарей с ненецким применение пастушеской собаки. В последние десятилетия среди кольских лопарей распространилась нартовая упряжка ненцев, но это было связано непосредственно с недавним переселением (70-е годы XIX в.) к ним коми и ненцев.

Оленеводство н е н ц е в по всем основным признакам представляет также особый тип: достаточно вспомнить конструкцию нарт, упряжку и упряжь, отсутствие доения, пастьбу с собакой и др. Необходимо отметить, что так называемые лесные ненцы (между Пуром и Тазом), наряду с нартовым транспортом ненецкого типа, в недавнем прошлом имели верховой и вьючный транспорт.

Оленеводство н г а н а с а н о в относится в целом к ненецкому типу, но по некоторым признакам оно сближается с оленеводством эвенков: наличие в недавнем прошлом вьючного транспорта, распространение, наряду с основной самоедской, и прямокопыльной ездовой нарты тунгусо-якутского типа, бескровный, как и у эвенков, способ кастрации.

Оленеводство с е л ь к у п о в, характерное только для северных групп, сочетает в себе, как и нганасанское, разные черты. Относясь в целом к ненецкому типу, оно отличается отсутствием пастушеской собаки, наличием в прошлом верховного и вьючного транспорта.

Оленеводство х а н т о в и м а н с о в имеет те же черты, что и ненецкое. Но для них, как известно, оленеводство не характерно, оно распространено только у северных групп и заимствовано от ненцев.

Оленеводство эвенков характеризуется рядом признаков, общих для всех групп на огромном пространстве их расселения: наличие выючно-верхового транспорта (исключение составляют группы эвенков, расселенные к западу от Енисея, — сымские, на верховьях рек Нижней и Подкаменной Тунгуски и Лены, у которых нет верховой езды), наличие доения, бескровный способ кастрации и пастьба без собаки. Даже отдельные элементы, характеризующие верховой транспорт, как-то: седлание на лопатки, посадка справа, прохождение поводка справа от головы оленя, — у них общие. Но среди эвенков имеются и различия: некоторые группы имеют только выючно-верховое оленеводство, другие же знают и упряжное. Упряжка у разных групп различна. У некоторых (илимпийские, сымские) она, несомненно, заимствована от самоедских народностей.

При распространении доения у всех эвенков только некоторые (алдано-зейские, витимо-олекминские, амгунские) знали приготовление молочных продуктов. Различаются группы и по наличию или отсутствию специального верхового седла. Интересно отметить, что как раз те группы, которые знакомы с приготовлением молочных продуктов, имеют и специально верховое седло.

Оленеводство негидальцев (верховских) совпадает с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков.

Оленеводство ороков, по некоторым признакам примыкая к оленеводству эвенкийских групп, отличается своеобразной упряжкой, не имеющей нигде себе подобных.

Оленеводство эвенов, имея общие черты с эвенкийским, в то же время отличается отсутствием доения оленя (исключая немногие группы, живущие смежно с эвенками). Среди эвенов некоторые группы имеют, кроме выючно-верхового транспорта, и нартовый. Упряжка групп, живущих среди чукчей и коряков, несомненно, заимствована от последних.

Оленеводство юкагиров сходно с оленеводством эвенских групп; группы юкагиров, соседящие с чукчами, заимствовали от них нартовую упряжку.

Оленеводство чукчей и коряков по всем основным признакам представляет собой особый тип. Оно характеризуется совершенно особым типом упряжки и нарт и отсутствием доения. Отметим, что по некоторым признакам (пастьба без собаки, бескровная кастрация) оно сходно с оленеводством тунгусских народностей. Интересно, что такие детали, как прохождение поводка справа от оленя, отсутствие пояса в упряжи и женская посадка на нарте справа, также сходны.

Оленеводство долганов совмещает в себе разные черты, характерные для самоедских народностей, с одной стороны, и тунгусских — с другой. Нарта и упряжка у них — двух типов (самоедского и тунгусо-якутского). Но посадка на нартах обоих типов и прохождение поводка — «эвенкийские», т. е. справа. В отличие от самоедских народностей долганы ездят на нартах только зимой, а летом употребляют оленя под седло и выюк; на нартах перевозят только людей. По типу седел они сближаются с илимпийскими группами эвенков. С самоедами же их сближает наличие пастушеской собаки.

Оленеводство якутов, характерное лишь для северных и отдельных групп, живущих среди эвенков, по всем признакам сходно с оленеводством последних.

Остается рассмотреть еще оленеводство тувинцев и тофаларов. Оно обнаруживает ряд черт, которые выделяют его в особый тип. Относясь так же, как и оленеводство ряда эвенкийских групп, к выючно-верховому типу без пастушеской собаки, оно отличается вместе с тем от оленеводства тунгусских народностей способом кастрации и многими деталями выючно-верхового транспорта: устройством седел, способом

седлания, отсутствием посоха, посадкой и прохождением поводка слева. Обратим внимание, что прохождение поводка и посадка слева (в одном случае на оленя, в другом случае на нарту) сближают саянский тип с самоедским. На черты, сближающие оленеводство тофаларов и тувинцев с коневодством, указывалось уже выше.

Резюмируя все сказанное выше, можно выделить с этнографической точки зрения пять основных типов оленеводства: I — лопарский, II — самоедский, III — саянский, IV — тунгусский и V — чукотско-корякский.

VI

Каковы же генетические и исторические соотношения указанных выше типов?

В обширной литературе, посвященной общим вопросам происхождения и древности оленеводства, высказывались различные взгляды по вопросу о моно- или полицентрическом его происхождении³. Тогда как одни авторы принимали независимое происхождение оленеводства различных типов, другие связывали их генетически и сводили к одному или двум центрам. Теорию единого алтае-саянского центра защищали Лауфер⁴, Хэтт⁵, Богораз⁶, и Флор⁷. Два центра принимал Максимов: один алтае-саянский центр для всего сибирского оленеводства и второй самостоятельный — скандинавский центр (по Максиму, саамы заимствовали оленеводство у северных германцев)⁸.

Приведенные выше материалы дают достаточное основание для выделения двух различных типов выючно-верхового оленеводства: тунгусского и саянского. Если допустить, что оба эти типа возникли в одном центре и первоначально характеризовались общими признаками, то пришлось бы принять, что все свои прежние особенности саянское оленеводство утратило, что признаки, характерные для современного саянского оленеводства, появились в нем вторично под влиянием соседей-скотоводов. Никаких данных в пользу такого сложного построения привести нельзя. Укажем, что никаких совпадений в терминологии оленеводства у тофаларов и тувинцев, с одной стороны, и тунгусских народностей, с другой стороны, отметить не удастся. Еще А. Н. Максимов, говоря о едином центре происхождения сибирского оленеводства, все же различал две первоначальные области: район Саянских гор (территория позднейшего расселения камасинцев, тофаларов и тувинцев) и «районы «верховьев Амура и Прибайкалье» (территория расселения тунгусов)⁹. Без должного основания, однако, Максимов говорит о географической близости этих областей и аргументирует этим единство происхождения саянского и тунгусского оленеводства.

Все представленные выше материалы приводят к мысли о существовании двух различных центров происхождения саянского и тунгусского оленеводства.

³ Обзор и библиографию см. в работах: А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства, Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных» (КОДЖ), т. I, стр. 171—189; А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Ученые записки РАНИОН», т. 6, М., 1928, стр. 3—37.

⁴ B. Laufer, The Reindeer and its Domestication, Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc. IV, No. 2, 1917, стр. 91—147.

⁵ G. Hatt, Notes on Reindeer Nomadism. Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc. VI, No. 2, 1919, стр. 75—133.

⁶ В. Г. Богораз, Оленеводство.

⁷ F. Flor, Haustierte und Hirtenkulturen, Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Wien, 1930.

⁸ А. Н. Максимов, Указ. раб.

⁹ А. Н. Максимов Указ. раб., стр. 27—28.

VII

При характеристике отдельных типов оленеводства мы уже отмечали некоторые общие черты в саянском и самоедском типах. В пользу реальных исторических связей этих типов оленеводства говорят и данные по этногенезу самоедских народностей. Алтае-саянская теория происхождения самоедов, аргументированная в свое время Кастреном, получила в дальнейшем более полное развитие в работах советских этнографов и лингвистов.

Если Кастрен, связавший наречие енисейских самоедов с камасинским и койбальским, представлял себе происхождение северных самоедов как простое переселение с Саян, то Прокофьев и Чернецов в своих работах показали всю сложность этого процесса¹⁰. Современные самоедские народности сложились в результате смешения древнего доолeneводческого населения Северо-Запада Сибири с самоедскими племенами, распространившимися из Саянских гор на север и принесшими сюда оленеводство. В результате смешения самоедский язык одержал верх, обогатившись значительным количеством лексики аборигенов, относящейся к формам доолeneводческого хозяйства.

В литературе уже дискутировался вопрос об относительном возрасте верхового и упряжного оленеводства. Богораз и Максимов показали несостоятельность взглядов Лауфера, Хэтта и Флора, рассматривавших оленеводство с упряжным транспортом как более древнее. Русские исследователи аргументировали большую древность верхового оленеводства. Следы верхового транспорта можно проследить как бы на пути с Саян на север. Не только тофалары и тувинцы, но камасинцы ездили только верхом на олене¹¹. Мы указывали уже, что селькупы были знакомы с верховым оленем, что лесные ненцы до нашего времени ездили как на нарте, так и верхом. В этом отношении интересно свидетельство Георги о наличии в его время верхового транспорта у самоедов. «Почти у всякого — пишет он, — есть по несколько, а у иных по 100 и 150 смиренных оленей. Они ездят на них верхом и впрягают их в санки»¹².

Если древнее самоедское оленеводство было верховым, то как объяснить возникновение упряжного транспорта современных самоедских народностей? По вопросу о происхождении упряжного оленного транспорта ряд авторов высказывал взгляд о том, что оленья упряжка возникла в подражание более древней собачьей упряжке. Одни (Лауфер) указывали на сходство оленных и собачьих нарт, другие (Хэтт) — на сходство упряжи. А. Н. Максимов, говоря о возникновении езды на нартах у самоедских народностей, также считал, что и они перешли от верховой езды на олене к нартовой в подражание собачьей упряжке аборигенов. Это правильная догадка не была, однако, должным образом обоснована анализом конструктивных деталей нарты и упряжи.

Нам предстоит рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

В связи с рассмотрением генезиса оленьей упряжки самоедов большой интерес представляет вопрос о возрасте собачьего транспорта в Северо-Западной Сибири. Следует полностью отвергнуть мнение Бо-

¹⁰ Г. Н. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна* (ненцев, иганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов), «Советская этнография». Сб. статей, III, 1940, стр. 67—76; В. Н. Чернецов, *Очерк этногенеза обских угров*, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 18—28.

¹¹ Указание Грум-Гржимайло (Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, стр. 49) на существование запряжки оленей в нарты у тувинцев явно ошибочно, оно противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении данным.

¹² И. Г. Георги, *Описание всех в Российском государстве обитающих народов*, ч. III, СПб., 1777, стр. 8.

горазда, считавшего собачий транспорт в Западной Сибири сравнительно поздним явлением, которому здесь предшествовал якобы олений транспорт. Все данные свидетельствуют о том, что в Северо-Западной Сибири упряжное собаководство является более древним. Уже самые ранние из известных нам сообщений русских летописей, арабских и западноевропейских писателей отмечают наличие у народов Приуралья езды на собаках, тогда как сведения о езде на оленях появляются в исторических документах позднее¹³.

Проследивая различные сообщения, мы можем установить, что в X—XIII вв. Северное Приуралье и Приобье были областями распространения езды на собаках. В XV в. здесь ездили уже и на собаках и

Рис. 11. Собачий и олений транспорт по Иртышу и Тоболу (Кунгурская летопись)

на оленях. А в XVIII—XIX вв. езда на собаках почти исчезла. Можно считать доказанным, что в Северо-Западной Сибири собачья упряжка предшествовала олений. Повидимому, саянские самоедские племена, знавшие езду на олене верхом, в своем продвижении на север столкнулись с аборигенным населением, ездившим на собаках, частично заимствовали от него упряжное собаководство и перенесли навыки упряжки на оленя.

¹³ См. А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать в деталях собачью упряжку и устройство нарт в ранние периоды. Но все же немногие сохранившиеся рисунки путешественников и изображения на первых сибирских картах, а также краткие описания в разных источниках позволяют высказать некоторые соображения.

Можно предполагать, что древние собачьи нарты были здесь типа кережки ¹⁴. В Кунгурской летописи даны рисунки ручной нарты в виде кережки на полозьях и на копыльях, собачьей нарты и разных оленых

Рис. 12. Кережка в собачьей упряжке и кережка-волокуша на копыльях (Кунгурская летопись)

нарт ¹⁵. На рисунке, приложенном к работе Витсена, показана кережка на копыльях ¹⁶.

Ламартиньер (1653) описывает оленную нарту как сани, сделанные «в виде гондолы, поддерживаемой четырьмя подпорками, которые укреплены в деревянном бруске на два фута более длинном, чем сани... запрягают их (т. е. оленей) в пару постромок, которые прикреплены к саням из оленной кожи» ¹⁷. И тут же к описанию приложен рисунок. О том

¹⁴ См. М. Г. Левин, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 1946, № 4.

¹⁵ «Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись», СПб, 1880.

¹⁶ N. Witsen, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1672—1705.

¹⁷ Ламартиньер. Путешествие в северные страны. «Записки Московского археологического ин-та», т. XV, 1912.

то самоедские народы ездили на кережках, запряженных оленем, имеются сведения и в других источниках: А. Олеарий (1647), рассказывая об оленеводстве самоедов, пишет, что они впрягают оленей «в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок»¹⁸. Эти сведения могут служить указанием на то, что оленные нарты-кережки на этой территории подражали в своей конструкции собачьим кережкам. Но, наряду с рисунками собачьих кережек, мы имеем и рисунки обычной двухполозной собачьей нарты на копыльях. Интересно, что эти нарты изображаются всегда прямокопыльными. Следует в связи с этим вспомнить, что и у современных самоедских народностей, наряду с косокопыльными грузовыми нартами, есть и прямокопыльные. Косокопыльная норта представляет собой, повидимому, более позднее усовершенствование, которое появилось у самоедских народностей после расселения их по тундре, когда они стали владельцами крупных стад, требовавших далеких сезонных перекочевов в течение круглого года. Летнее передвижение на нартах по мокрым тундрам с большим количеством кочек и переезды через реки обусловили изменение прямокопыльной нарты в сторону большей высоты, устойчивости и прочности, что было достигнуто увеличением высоты копыльев, наклонной установкой их и расширением расстояния между полозьями.

Каковы были древняя собачья упряжка и устройство упряжи в Западной Сибири? На старинных рисунках ясно изображается упряжь в виде пояса, надеваемого на собаку перед задними ногами, с потягом, проходящим между ними. Этот специфический, мало рациональный тип упряжи, при котором собака тянет лишь задней частью корпуса, характерен только для Северо-Западной Сибири и был распространен здесь до недавнего времени. Первые рисунки оленной упряжи самоедов изображают ее в виде хомута на шее каждого оленя, от которого идет потяг, проходящий между ног оленя под брюхом. Подобное описание с рисунком такой упряжи дано Зуевым, участником экспедиции Палласа (1768—1774 гг.)¹⁹. Соблазнительно видеть в этой упряжи подражание собачьей.

Те же рисунки дают парную упряжку в ездовой оленной нарте. Переход от парной ездовой упряжки к веерной произошел, очевидно, под влиянием тех же условий, которые вызвали изменение нарты. Новая косокопыльная норта стала массивнее и тяжелее старой прямокопыльной. Это обусловило подпрягание вначале одного, затем большего числа оленей в старую парную упряжку. Подпрягание дополнительных оленей привело к системе блоков, при помощи которых потяги соединялись с нартой.

Интересно напомнить, что для самоедов характерна посадка на нарте и прохождение поводка слева, т. е. так же, как садятся на оленя и управляют им саянские оленеводы. Одинаков у тех и других и способ кастрации. Вопрос о доении остается неясным. Может быть, прав Максимов, который считал, что самоедские племена на Саянах первоначально не знали доения и что оно появилось у тувинцев и карагасов позднее под влиянием их соседей-скотоводов, но возможно также, что самоедские племена утратили навыки доения на своем пути на север.

VIII

Вопрос о происхождении лопарского оленеводства решался в литературе по-разному. Одним из узловых пунктов в построениях разных

¹⁸ Ад. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906, стр. 170.

¹⁹ В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). «Труды Института этнографии», Новая серия, т. V, 1947, стр. 88, 91.

авторов является вопрос о генезисе лопарской кережки. Лауфер, рассматривающий лопарское оленеводство как заимствование от ненцев, считает лопарскую кережку более древним типом, раньше бытовавшим и у ненцев; тогда как ненцы в дальнейшем кережку заменили копыльной нартой, лопари сохранили этот более древний тип. Хэтт также считает лопарское оленеводство заимствованным от ненцев, но он рассматривает кережку лопарей исключительно как местную своеобразную форму. По Хэтту, лопари, переняв оленеводство от ненцев, приспособили свою древнюю ручную нарту-кережку для упряжки. А. Н. Максимов, как указывалось уже, принимает самостоятельный центр для скандинавского оленеводства и развивает взгляд, что лопари еще в IX в. не знали оленеводства и заимствовали его позднее от скандинавов. Одним из аргументов в пользу происхождения лопарского оленеводства независимо от оленеводства сибирского является, по мнению Максимова, отсутствие кережки у ненцев. Это мнение оказывается, однако, ошибочным.

Выше мы привели материалы о бытовании в прошлом кережки у ненцев и в собачьей, и в оленней упряжке. Против заимствования ненцами кережки от лопарей говорит широкое распространение в Западной Сибири сходных с кережкой типов ручных охотничьих нарт. Ладьеобразная, очень сходная с кережкой ручная нарта известна в прошлом у селькупов, у камасинцев; к ним близка корытообразная нарта сымских эвенков²⁰. В свете этих, оставшихся неизвестными Хэтту и Максиму, данных кережка не может рассматриваться в качестве специфической формы. Напротив, бытование кережки у лопарей связывает оленеводство с оленеводством самоедских народов. Интересна и такая деталь, как прохождение потяга между задних ног оленя, характерное как для всех самоедских народов, так и для саамов.

Связывает лопарское оленеводство с самоедским и наличие пастушеской собаки, которая, как известно, отсутствует у всех других народов Сибири. Наличие в прошлом использования оленя под седло у самоедских народностей и существование вьючного транспорта у лопарей также могут служить доказательством в пользу этих связей. Правда, развитое молочное хозяйство лопарей отличает их оленеводство от самоедского, но в этом случае вполне допустимо предположить, что, не зная в прошлом доения, лопари заимствовали его от своих соседей — норвежцев.

Конечно, приведенные данные недостаточны для доказательства заимствования лопарями их оленеводства от самоедских народов, но они делают такое предположение вполне законным.

IX

Переходим к рассмотрению чукотско-корякского оленеводства. Еще Л. Шренк²¹ в свое время высказал мысль о том, что чукчи и коряки заимствовали оленеводство от тунгусских народов. Из позднейших авторов наиболее подробно останавливается на этом вопросе Ф. Флор, но полная несостоятельность его аргументации и дефектность материала, на котором он строил свои выводы, были показаны в свое время В. Г. Богоразом²².

Однако имеющиеся в нашем распоряжении новые материалы позволяют вернуться к этой гипотезе. При всем различии чукотско-коряк-

²⁰ См. М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 77, 81—83, 102—103; Г. М. Василевич, Корытообразная нарта сымских эвенков. Сборник МАЭ, т. X, 1948, стр. 93—97.

²¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. II, 1899, стр. 176 и 178.

²² В. Г. Богораз, Оленеводство.

ского и тунгусского оленеводства у них имеются и общие черты: пастба без собаки, бескровный способ кастрации, а также такая деталь, как прохождение поводка справа. Можно, повидимому, связывать и посадку на женской нарте справа у чукчей и коряков с такой же посадкой на нарте у илимпийских эвенков и посадкой на оленя справа у всех тунгусских народностей. Существенно указать и на общность некоторых терминов, относящихся к оленеводству. Например, чукотско-корякское название для оленя — *коранга* (чукотск.), *хоянга* (корякск.) в своем корне (кор || хой²³) сближается с тунгусским названием для домашнего оленя — *орон* (ор || хор). Сближаются и названия яловой важеньки *ванхатхой* (корякск.) *вангахай* (эвенкийск.), а также для тощего оленя *тангэххой* (корякск.), *танга* (эвенкийск.).

Сходство в деталях и терминологическая общность вряд ли могут быть объяснены иначе, как реальными историческими связями между чукотско-корякскими и тунгусскими группами в прошлом. Русские исторические источники указывают на более южные территории расселения коряков по Охотскому побережью в XVII в. Поселения коряков распространялись до Тауйской губы, но в отдельных случаях встречаются указания, что коряки доходили и южнее. Вместе с тем это была территория расселения тунгусских групп. Можно предполагать взаимооттопления между этими группами в более раннее время. Этнографические и антропологические материалы советских исследователей показали, что в состав чукчей и коряков вошли, помимо древнего аборигенного населения побережья Берингова моря и Ледовитого океана, также континентальные группы, связанные с внутренними областями Восточной Сибири²⁴. Особого внимания заслуживают чуванцы. Это название относилось в XVII в. к племени, близкому к юкагирам, жившему в районе Чаунского залива. Интересно, что название оленных чукчей *чаучу* совпадает с названием оленных коряков *чаучу*вен и обозначает «оленных» в противоположность «сидячим». Эти названия близки к названию *чужан* (~ *чавача*, записи Врангеля), в чукотской огласовке *чаван* (*чужанцы*)²⁵. Они вскрывают нам связи оленных чукчей и коряков с чуванцами и через них, повидимому, с тунгусскими группами.

Связывая происхождение чукотско-корякского оленеводства с тунгусским, мы должны объяснить особенности нартового оленного транспорта чукчей и коряков. Как известно, чукотско-корякская нарта не имеет себе аналогий у тунгусских народностей, а в тех случаях, когда мы ее встречаем среди эвенов, она заимствована в позднейшее время последней от чукчей или коряков, а не наоборот.

Как же объяснить появление чукотско-корякской нарты?

Естественно предположить, что чукчи и коряки приспособили к оленю старинную собачью нарту. К сожалению, мы не знаем ее конструкции. Первые зарегистрированные у чукчей и коряков нарты были прямокопыльными. Однако известно, что прямокопыльная собачья нарта, характерная для восточносибирского собаководства, распространилась по Камчатке в недавнее время, что раньше ей предшествовала здесь дугокопыльная нарта, сохранявшаяся у камчадалов в XVII и даже в

²³ Переход конечных *р*, *н*, *л*, в *й* характерен для многих языков Северо-Восточной Азии: *китан*—*китай*; в эвенкийском *эгу*—*эйгу*—острога; негидальск. *ойон*, эвенкийск. *орон*—олень.

²⁴ М. Г. Левин. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии), «Советская этнография», 1950, № 2.

²⁵ Для северо-восточных эвенских говоров и чукотско-корякских языков характерен переход губно-губного *в* между гласными в *у* и переход конечного *н* в *й* с опусканием *е* при добавлении суффикса. Таким образом, *чаван* будет звучать в чукотско-корякском языках — *чауа*. Для этих же языков характерно удваивание корней; таким образом, в *чаучу* можно видеть удвоенное *чауа* — *чаван*.

XVIII вв. Повидимому, то же было и среди чукчей и коряков. Еще Богораз высказал мысль, что древняя собачья нарта у них была прототипом для оленней нарты. До недавнего времени среди них сохранялась однооленная упряжка. Вероятно, эта упряжка и была первоначальной.

В отличие от тунгусских народностей, чукчи и коряки не знают доения. Но следует вспомнить, что его нет и у соседних тунгусских групп — эвенов. Возможно, что те древние тунгусские группы, от которых оленеводческие навыки перешли к чукчам и корякам, и не знали доения, утратив его на своем пути на север.

X

Нам остается рассмотреть выючно-верховое оленеводство.

Как мы видели, многие элементы саянского оленеводства обнаруживают поразительное сходство с элементами коневодства. Это относится к устройству седла (со стременами и ремнями), к седланию (ближе к середине спины), к посадке (слева) и езде (без посоха), к молочному хозяйству и способу кастрации. Интересно указать еще на устройство детского седла с луками в виде крестовин, на которые устанавливается люлька. Сходное устройство седла для люльки мы знаем у казахов.

Само название для оленного седла то же, что для конского седла в тюркских языках (*ынгырчак*); обща и другая терминология; например: *баг* в тувинском и тофаларском — недоуздок, а в тюркских — вязка; *тартыг* в тофаларском подпруга, а в тюркских *тарт* — тащить.

Конечно, нельзя отрицать возможности того, что отдельные черты сходства саянского оленеводства с коневодством могли получить свое развитие в позднейшее время, что первоначально седло и другие части упряжи были несколько иными. Но если вспомнить отдельные сходные детали в саянском и самоедском оленеводстве, которые, несомненно, относятся к отдаленному времени, то отпадает возможность относить целиком все особенности саянского оленеводства только за счет позднейших заимствований от коневодов.

Среди тунгусских народностей распространены как выючно-верховой, так и упряжной транспорт. У отдельных групп (илимпийские и сымские эвенки) последнее, несомненно, заимствовано от самоедских народов, у других (эвены Чукотки и Камчатки) — от чукчей и коряков. Ниже мы покажем, что упряжной транспорт и остальных групп — явление более позднее по сравнению с выючно-верховым.

Необходимо вспомнить, что среди эвенков выючно-верховой транспорт представлен различно. Одни группы (сымские и ангарские, расселенные по притокам Подкаменной, истокам Нижней Тунгуски и Лены) не знают вовсе верховой езды, употребляя оленя только под выюк, другие же (алдано-зейско-амгунские и илимпийская группа эвенков, а также эвены, долганы, негидальцы, ороки) широко пользуются верховой ездой и имеют специальные верховые седла.

Теоретически возможны различные предположения. Можно допустить, что отсутствие верховой езды было свойственно в прошлом всем тунгусским группам и что верховая езда явление позднейшее, развивавшееся лишь у части из них. Возможно и другое предположение, что оленеводство возникло у определенной группы тунгусов на сравнительно узкой территории с использованием оленя под выюк и под седло. В дальнейшем, будучи связанными соседством с безоленными и расселяясь, эти группы передавали свои навыки оленеводства другим. Но не все осваивали эти навыки одинаково: значительная часть тунгусских групп ограничивалась выючным транспортом.

Имеющиеся в нашем распоряжении различные данные говорят в пользу второго предположения. Начнем с материалов фольклора. Эвенкийский фольклор, повествуя о взаимоотношениях различных тунгус-

язычных групп в далеком прошлом, рисует, наряду с безоленными племенами, племена коневодов, скотоводов и оленеводов, соседящих друг с другом. Сказания помещают эти племена в области к северу от р. Онон — на территории отрогов Яблонового хребта. В фольклоре одни из этих племен — коневоды, содержащие оленей только для мяса на случай неудачной охоты, другие — оленеводы, использующие оленя под выюк и под седло. Известно этим племенам и доение оленя. Интересно, что некоторые имена героев и их родов в этих сказаниях могут быть объяснены из монгольской этнонимии XII—XIII вв.²⁶ Это хорошо согласуется с историческими данными о соседстве тунгусских и монгольских племен, а также с указаниями китайских источников на оленеводов в верхнем Приамурье и севернее. Очень существенны материалы по терминологии, относящейся к оленному транспорту.

Ряд терминов в эвенкийском и эвенском языках происходит из монгольских языков, например: седло эвенкийск. — *эмгин*, эвенск. — *эмгун*; в монгольском *эмэл*, *эмгэл*; обшивка седла и мешки, в которые вставлены доски седла, — *комдан* ~ *хомдан*; в монгольском *хом* — потник под седлом верблюда; холощение и холостить — *акта*; метка на ухе — *им* ~ *им*; *им* монгольск.; в эвенкийском *тэнинэ* — коврик под седло; монгольское *тэн* — потник и др.

Отметим, что те термины, которые не связаны с монгольскими, имеют в тунгусских языках часто или описательный характер, или одновременно и другое значение, например: *тынгэнтун*, подпруга, буквально обозначает предмет, охватывающий грудную клетку; *уси* ~ *ухи*, поводок, одновременно обозначает и длинный ремешок.

Приведенные данные могут служить указанием на то, что оленеводство тунгусов возникло под влиянием коневодства монголоязычных групп. Добавим, что и сейчас оленеводство с молочным хозяйством, с верховой ездой на специальном седле распространено как раз среди южных групп эвенков в районах отрогов Яблонового и Станового хребтов.

Распространяясь среди различных тунгусоязычных групп, оленеводство не всюду сохраняло свои первоначальные черты; среди некоторых групп верховая езда не развилась, другие если и ездили на олене, то только на вьючном седле.

Оленеводство ороков, отличающееся, как указывалось, своей нартой и упряжкой, в остальном сходно с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков. Сходна у ороков и эвенков и вся терминология, относящаяся к верховому транспорту. Сказания ороков упоминают предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и дальше на Сахалин. Сказанное выше позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов.

Еще несколько слов об упряжном транспорте тунгусских народностей. Об упряжках самоедского и чукотско-корякского типа, заимствованных отдельными тунгусскими группами, было уже сказано выше. На севере Якутии среди некоторых эвенков и оленных якутов и южнее среди долеминских эвенков и якутов, а также у долган распространена прямокопыльная нарта. Генезис ее не совсем ясен. Распространили ее в качестве оленной нарты по Якутии и смежным с нею на западе и на востоке районам преимущественно якуты. Но как она появилась у якутов, при отсутствии данных сказать нельзя. По конструкции эта оленная нарта сходна как с собачьей нартой восточно-сибирского типа, так и с охотничьей нартой эвенков и других народностей Сибири. Заслуживает внимания, что в фольклоре эвенков и якутов с Яны и Нижней Лены часто

²⁶ См. «Сборник материалов по эвенкийскому фольклору», Л., 1936; частично в подготовленной к печати работе Г. М. Василевич «Эвенкийский фольклор». Например, род Кеян в эвенк. — Кият монгол., род Оха в эвенк. — Оха монгол. — род Кедан и Кетан в эвенк. — Кедан — Кидан — кидане, и др.

упоминается собачья упряжка у каких-то нетунгусоязычных групп населения.

Нарта с изогнутыми копыльями алдано-зейско-амгунских эвенков и якутов, живущих смежно с ними, отчасти сходна с дугокопыльной оленней нартой чукчей и коряков. Следует думать, что так же, как и чукотская нарта, алдано-зейская оленняя нарта имеет своим прототипом собачью нарту. А если это так, то открываются интересные связи древнего аборигенного населения Чукотско-Камчатского края, с одной стороны, с населением Алдано-Амгунско-Охотского края, с другой. Эти вопросы выходят за рамки настоящей работы.

По поводу оленней упряжи ороков еще Шренк высказал мысль о том, что они стали запрягать оленей, подражая собачьей упряжке нивхов (гиляков) и айнов²⁷. Надо сказать, однако, что орокская нарта коренным образом отличается от нивхской собачьей нарты. Оригинальна и упряжка из одного оленя. Возможно, что тунгусоязычные предки ороков пришли на Сахалин, уже будучи знакомы с оленней упряжкой.

XI

По вопросу о древности оленеводства в литературе высказывались самые разнообразные взгляды. Тогда как одни авторы относят возникновение оленеводства к неолиту и даже палеолиту, другие возражают против большой древности оленеводства и относят его уже к нашей эре. Первая точка зрения была высказана Богоразом²⁸, по мнению которого олень был приручен палеолитическим охотником. Эту же теорию на археологическом материале безуспешно пытался доказать Г. П. Сосновский²⁹. В пользу большой древности приручения высказывается и В. И. Равдоникас³⁰. Все эти авторы рассматривают оленеводство как древнейшую форму скотоводства вообще. В советской литературе эта точка зрения получила распространение под влиянием работ Н. Я. Марра, который на лингвистическом материале пытался показать, что олень предшествовал другим домашним животным³¹. Теория, согласно которой олень является первым после собаки животным, использованным человеком для транспорта, пропагандировалась представителями реакционной культурно-исторической школы, особенно Ф. Флором³². Согласно этому автору, оленеводство, возникнув впервые в Саянском нагорье у протосамоедов и прототюрков, явилось древнейшим скотоводством вообще. Мы не можем останавливаться здесь сколько-нибудь подробно на критике этой концепции. Против древнего возраста оленеводства говорят как данные истории и этнографии (отсутствие оленеводства в Северной Америке, несомненно позднее его распространение в Западной Сибири, факты сравнительно недавнего перехода ряда групп Северной Азии от пешего передвижения к оленному транспорту и т. д.), так и данные археологии, согласно которым нет никаких сколько-нибудь достоверных следов домашнего оленя не только в палеолите, но и в неолите Сибири. В пользу того, что в Алтае-Саянском нагорье оленеводство предшествовало коневодству, приводились материалы Пазырыкского могильника на Алтае³³, в котором были найдены на головах

²⁷ Л. Шренк, Указ. раб., стр. 182.

²⁸ В. Г. Богораз, Указ. работы.

²⁹ Г. П. Сосновский, Древнейшие остатки собаки в Северной Азии, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5/6.

³⁰ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947 стр. 8—10.

³¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства и доистории. Избранные работы, т. III, стр. 123—151.

³² Ф. Флор, Указ. раб.

³³ Эту ошибочную точку зрения поддерживал и я в совместной с А. М. Золотаревым работе.— М. Г. Левин.

лошадей маски в виде головы северного оленя с рогами натуральной величины. В этом хотели видеть доказательство того, что олень в хозяйственной жизни предшествовал здесь лошади, и маску рассматривали как отражение этого факта в ритуале. Это мнение не может считаться основательным. Напомним, что во втором Пазырыкском кургане, раскопанном С. И. Руденко в 1947 г., найдена маска, сюжет которой — птица на голове горного барана. В алтайских курганах (Катандинском и др.) многочисленны изображения фантастических животных; среди них есть изображения лошадей с ветвистыми рогами, изображения, напоминающие лошадь с головой грифа, и т. д.³⁴

Оленные маски на голове лошади в такой же степени могут служить доказательством существования на Алтае древнего оленеводства, как и изображения грифов — доказательством хозяйственного их использования. Отметим, что в алтайских курганах, наряду с фантастическими, найдены и реалистические фигурки оседланных лошадей, но не найдено ни одной фигурки оленя с седлом.

На Шалаболинских наскальных изображениях, зафиксированных В. А. Адриановым и датированных Вяткиной в значительной части VII — IX вв., имеются многочисленные изображения оленей, коров, лошадей, но все изображения всадников связаны с лошадью и нет ни одного на олене³⁵. Никаких фактов в пользу того, что езда на олене в Южной Сибири древнее езды на коне, привести нельзя.

Давно уже высказывалось в литературе мнение о том, что оленеводство возникло под влиянием коневодства (Ган, Лауфер, Максимов). А. Н. Максимов развивал мысль о «первоначальном возникновении оленеводства в качестве временного суррогата у какого-нибудь тюркского или монгольского племени, потом опять отказавшегося от оленеводства в пользу разведения крупного рогатого скота и лошадей»³⁶. Построения Максимова явно искусственны. Но нам вовсе незачем прибегать к таким ложным построениям, чтобы связать возникновение оленеводства с влиянием коневодства. Выше мы привели материалы в пользу того, что оленеводство распространилось по северу Евразии из южных районов Сибири. Анализ особенностей различных типов оленеводства привел нас к выводу о том, что оно возникло в двух областях — Алтае-Саянском на юге и в горных районах Забайкалья — Приамурья. Первоначальное транспортное использование оленя было под выюк и седло. Во всем этом мы видим свидетельство того, что оленеводство действительно возникло под влиянием коневодства.

Можно высказать предположение, что древние тунгусоязычные группы горного Забайкалья, жившие смежно с монголоязычными, заимствовали от них коневодство (необходимо отметить, что лошадь в тунгусских языках называется по-монгольски *мурин* ~ *морин*). Навыки коневодства привели к одомашнению оленя. Возможно предположить, что аналогичный процесс проходил в Саянах, где самодоязычные насельники горной тайги явились зачинателями оленеводства под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов. Конечно, эти предположения остаются пока гипотезой. Но возникновение оленеводства под влиянием коневодства, вопреки теории Н. Я. Марра, согласуется со всеми имеющимися в нашем распоряжении фактами.

³⁴ См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1949, № 9, стр. 177—216. С. И. Руденко, Второй пазырыкский Курган, Ленинград 1948.

³⁵ К. В. Вяткина, Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, 1949.

³⁶ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 33.